

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 1993 года. Спуск в «подземелья истории» (анонс серии)	6
--	---

Часть первая. ПРЕДПОСЫЛКИ

Глава 1. Образ пангерманизма	18
Глава 2. Оккультное возрождение Германии (1880—1910)	30

Часть вторая. АРИОСОФЫ ВЕНЫ

Глава 3. Гвидо фон Лист	51
Глава 4. Вотанизм и немецкая теософия	72
Глава 5. Armanenschaft	81
Глава 6. «Arehisosur»	83
Глава 7. Тайное наследие	95
Глава 8. Немецкий золотой век	111
Глава 9. Йорг Ланц фон Либенфельс и Теозоология	127
Глава 10. Орден новых тамплиеров	148

Часть третья. АРИОСОФИЯ В ГЕРМАНИИ

Глава 11. Рудольф фон Зеботтендорф и общество «Thule»	187
Глава 12. Священные руны и общество Эдды	212
Глава 13. Герберт Рейхштайн и ариософия	226
Глава 14. Карл Мария Виллигут, личный маг Генриха Гиммлера	243
Глава 15. Ариософия и Адольф Гитлер	264
Глава 16. История ариософии	282
Глава 17. Современный мир оккультного нацизма	289

**Предисловие к изданию 1993 года.
Спуск в «подземелья истории»
(анонс серии)**

Книгой Николаса Гудрик-Кларка «Оккультные корни нацизма» издательство «Евразия»* открывает серию под общим названием «Подземелья истории»**. Что кроется за этим? Очередная попытка коммерческой эксплуатации тайн, «национал-оккультизма», личные пристрастия издателей к такого рода литературе, которую автор данной книги называет «сенсационной», или же уверенное прокладывание издательского курса в русле отнюдь не массового интереса ко второму, тайному плану истории, не сводимому к фантазиям чудаков и бреду параноиков?.. Скорее последнее. Мы живём во время тектонического сдвига бытийных пластов, который позволил Николаю Бердяеву написать в 20-е годы нашего века о наступлении новой эпохи — «Нового Средневековья». «Новое Средневековье» означает возвращение хорошо забытого, но не умиравшего старого, всего, что под углом зрения новоевропейского разума считалось архаичным и вовсе не существующим, что было изгнано за рамки научной картины мира, что было заклеено плоскими умами эпохи Просвещения как инквизиторские суеверия и мрачные предрассудки. На какое-то время закрылось религиозное измерение жизни, и за прошедшие века человечество разучилось верить в Бога и дьявола, невидимый мир, добрые и злые духовные иерархии, исчезло религиозное освещение власти и живы,

---

* Издательство «Евразия» из Санкт-Петербурга впервые опубликовало эту книгу на русском языке в 1993 году. — *Прим. ред.*

** В этой серии была издана лишь данная книга. — *Прим. ред.*

однако, до сих пор тайные ложи и ордена. Между тем, по всем приметам, «Новое Средневековье» носит уже скорее не христианский, но антихристианский характер. И ландшафт двадцатого столетия с его магматическими прорывами иррациональных подземных сил, выплеснувшихся в таких ужасающих течениях, как большевизм и фашизм, с их человеконенавистничеством и богоборчеством, с гротесковыми мифологическими обликами, весьма отличается от идиллических пейзажей просвещённо-позитивистских, рационально-очеловеченных столетий. Мы снова, в предчувствии вселенских катастроф, перед угрозой неограниченного манипулирования личностью, в том числе и магическими средствами, на волне оживления синкретических религий и оккультизма, в бытовом окружении модернизированного колдовства и ведовства, при последнем издыхании агонизирующего в лихорадочном смешении стилей, религий и наций столетия, страшимся потерять последнюю надежду на построение благополучного будущего. Мы живём в России, которая ярче всего в истории демонстрирует невозможность замкнуться лишь в человеческом, только человеческом измерении, устранить причастность своей судьбы борьбе таинственных сил метаистории, духовных сил добра и зла. И для того, чтобы не потерять себя в либерально-рыночной стихии, очутившись в экзистенциальной невесомости, не различая, где верх и низ, добро или зло, или, наоборот, не оказаться одержимыми призраками национал-оккультизма, воплощёнными в каком-нибудь харизматическом лидере (и будет уже поздно, когда наши голоса потонут не в хоре, но в рёве очередного исторического обвала), мы должны взглянуть в мерцание тайны на грани истории не только академическим, либерально-позитивистским, близоруко профессорским взглядом сквозь сильные очки, видящим в исторических фигурах и зловеще-могущественных движениях лишь результаты болез-

ненных фантазий, родившихся на почве социального недовольства. Наоборот, умными и вечно удивлёнными глазами сквозь призму своего рода «исторической демонологии» в соответствии с канонами нового средневековья мы должны посмотреть на просвет тайны в мельтешении деятелей и событий. Ведь и мания, бывшая одерживающей человека силой духом, лишь в последние века стала содержанием психики. Будем внимательны, и мы увидим, как, например, «бесноватый фюрер» в рассказах очевидцев предстаёт не столько как марионетка тех или иных заинтересованных кругов, сколько как великий посвящённый, чёрный маг, обладающий огромными силами гипноза и инспирируемый демоническими силами (вспомним, хотя бы, слова одного из приближённых о впечатлении присутствия за Гитлером «целой электростанции», как бы накачивающей его энергией), свидетельство, приводимое в книге французских авторов Повеля и Бержье). Собирая подобные свидетельства и симптомы, мы сможем заметить и в современной действительности моменты массового или индивидуального медиумизма, одержимости, научиться, по словам ап. Павла, «различению духов».

И научившись, не быть увлечёнными в бездну чьей-нибудь чёрной «волей к власти» подобно одержимому стаду хрюкающих животных из новозаветной притчи. Тем более не случайны наблюдения современного теоретика инквизиционного подхода к явлениям истории Георгия Климова, связывавшего «волю к власти» с целым букетом традиционно-демонических черт: со склонностью к колдовству, невозможностью любить, дурной наследственностью и аномалиями пола. Не наблюдаем ли мы в описаниях жизни большевистских или нацистских вождей преизбыточной энергичности, как бы распирающей рамки личности, медиумического автоматизма речи и письма, гениального размаха злых деяний и личной пошлости одновремен-

но. Ведь Дьявол не только Мефистофель, но и пошлый чёрт из «Братьев Карамазовых». И перед лицом дехристианизации мира перед нами откроются в свете массовой одержимости не только миновавшие человеческие бури и смуты, более страшные, чем те, которые похоронили средневековую инквизицию (Старое Средневековье). Действительно, что общего между декадентскими настроениями начала века, оккультизмом и тайными ложами, политическими движениями типа фашизма и большевизма и христианской апокалиптикой? По-видимому, наша эпоха Ч не просто «сумерки богов», но и возвращение демонов. Однако общий термин, позволяющий характеризовать духовную ауру явлений эпохи, уже найден русскими философами XX века. Как неоязычество они охарактеризовали тот поток изменений, который захлестнул былой христианский Запад, довершив обезбожение современного человечества. Освобождение от веры и христианское Откровение и постепенная секуляризация всех сфер жизни, деморализация и сексуальная революция, оккультизм и увлечение восточными культами, вера в бессознательные силы (психоанализ), владеющие человеком, прорыв языческого национализма и воинствующего антихристианства. Тем же термином можно определить и современный шизофренический ажиотаж вокруг контактов с НЛО и экстрасенсов. Связь между сообщениями инопланетян и психиатрической симптоматикой очевидна, однако духовный мир не терпит вакуума и в новейших квазирелигиозных феноменах угадывается веяние духа зла, древнего змия. Все эти компоненты «неозычества», в сущности, прямого медиумизма в отношении демонических сил, устремлены к виднеющемуся на историческом горизонте интеррелигиозному и трансгосударственному вавилонскому всесмешению в царстве антихриста. Традиции тайных обществ и оккультные увлечения лидеров Третьего рейха, кровавые ритуалы и амбиции

национал-окультизма должны образовать перед духовно зрячим читателем сплошной поток «подземной истории», по отношению к которому книги — лишь береговые вехи, маяки и указательные знаки.

Либеральное мировоззрение духовно слепо и пусто, а национал-окультистская вера в магические силы земли и крови заслоняет Абсолютный предмет всякой веры, обесиливая народы перед лицом обезбожения и всесмешения. Бессодержательность или исцеление у ног Христа — вот подлинная дилемма современного больного мира.

Итак, человеку «Нового Средневековья», духовно прозревающему посреди мировой ночи, посвящаем и адресуем мы нашу серию.

Это необычная история. Хотя речь в ней идёт о событиях прошлого, связанных с происхождением идеологии национал-социализма в Германии, её настоящий предмет — не партии, политические взгляды и организации, через которые люди рационально выражают свои интересы в социально-политической сфере. Скорее, это глубинная история, связанная с мифами, фантазиями и символами, которые наложили свой след на развитие реакционного и авторитарного мышления Наци. В той же мере она находится за краем традиционной политической истории, поскольку основные её черты — мистические, пророческие и сектантские — имеют мало общего с внешней реальностью политики и управления. Но дело в том, что люди, наделённые богатым воображением и способные описывать воображаемый мир, часто определяют чувства и поступки людей внешнего мира, занимающих ключевые позиции у власти и несущих политическую ответственность. И в самом деле, немислимые идеи и тайные культы предвосхищали политические учения и учреждения Третьего рейха.

Историкам, занимающимся лишь исследованием конкретных событий, причин и разумных целей, этот ад фан-

тазии может показаться безумием. Они могли бы доказать, что политические и исторические сдвиги определяются только реальными, материальными интересами. Однако и фантазии могут достигать силы причин, если закрепляются в убеждениях, предрассудках и ценностях социальных групп. Фантазии также являются важным симптомом надвигающихся изменений в политике и культуре. Особого рода фантазии, рассмотренные в этой книге, созрели внутри крайне правого крыла политического спектра и касались создания аристократической элиты, искоренения ущербных существ и установления нового мирового порядка. Истоки этого движения лежат в стороне от основного русла рациональной политики XX века, и выяснение их природы требует иных, более глубоких источников вдохновения. Анализ фантазий, породивших такое движение, может дать новые ответы на старые вопросы. Настоящее исследование представляет собой исторический обзор биографий, доктрин и культовой практики ариософов, Гвидо фон Листа (1848—1919) и Йорга Ланца фон Либенфельса (1874—1954), а также их последователей в Австрии и Германии. Ариософы, начавшие свою деятельность в Вене, незадолго до Первой мировой войны, соединили народнический (volkisch) немецкий национализм и расизм с оккультными идеями, заимствованными из теософии Елены Петровны Блаватской, — с целью предсказания и оправдания грядущей эры немецкого мирового порядка. В их работах описывался доисторический золотой век, в котором мудрые хранители знания толкуют оккультно-расовые учения и управляют расово-чистым обществом. Они утверждали, что существует враждебный заговор антигерманских сил (такowymi считались все неарийские расы, евреи и даже ранняя Церковь), стремящийся разрушить идеальный немецкий мир, освободив негерманскую чернь для фальшивого равенства незаконнорождённых. История, с её вой-

нами, экономическими кризисами, политической неопределённостью и ослаблением власти германского начала, изображалась ими как результат расовых смешений. Для противостояния современному миру ариософы основывали множество тайных религиозных обществ, посвящённых возрождению утраченного эзотерического знания и расовых достоинств древних германцев, созданию новой все-немецкой империи.

Ариософы были культурными пессимистами. Очевидна связь между их фантазиями и разочарованиями немецких националистов в Габсбургской империи Австро-Венгрии на исходе XIX в. Стремительная урбанизация и индустриализация, конфликт славянских и немецких интересов в многонациональном государстве, католицизм, возникновение австрийского движения пангерманизма под руководством Георга фон Шённера, мода на социальный дарвинизм и его расистские выводы также существенно определяли мышление ариософов. Оккультизм в их доктринах играл весьма существенную роль сакрального оправдания их крайних политических позиций и глубокого неприятия действительности. Фантазии ариософов фокусировались в идеях элитарности и чистоты, в тысячелетних образах золотого будущего нации.

Это введение должно подготовить почву для детального изучения ариософии, возникшей в XIX в., в переплетении национализма, антилиберализма, культурного пессимизма и расизма. Нашей точкой отсчёта станет народническое (*volkisch*) движение, объединившее эти концепции в приемлемую идеологическую систему. В своих исследованиях народнической идеологии Джордж Л. Мосс отмечал духовные коннотации слова «*volk*». В XIX в. для немцев этот термин значил много больше, чем буквальный его перевод словом «народ»: оно означало национальное единство, одушевляемое общей творческой энергией. Пред-

полагалось, что эти метафизические качества определяют уникальный культурный статус немецкого народа. Идеологическую окраску слово «volk» получило по двум причинам: во-первых, эта культурная ориентация была результатом крайне медленного объединения Германии; во-вторых, она была связана с широко распространившейся романтической реакцией на современность.

Раздробленность Германии проявлялась в мозаике маленьких королевств, княжеств, герцогств, составлявших вместе с более крупными государствами, Пруссией и Австрией, Священную Римскую империю германской нации, вплоть до её формального распада в 1806 г. После поражения Наполеона положение резко изменилось. Возникла свободная Немецкая конфедерация, и государствам, входящим в её состав, была предоставлена возможность независимого развития. Если итоги Венского конгресса в 1815 г. разочаровали немецких националистов, то после революции 1848 г. рухнули все их надежды. Ввиду затруднений в движении к политическому объединению, немцы напряжённо искали национального единства в культурной сфере. Это стремление обнаружилось ещё в конце XVIII в., когда писатели предромантического движения «Буря и натиск» обретали немецкую верность себе в народных песнях, обычаях и старой литературе. Идеализированный образ средневековой Германии взывал к духовному единству, если уж политические его формы не были достигаемы. Этот упор на прошлое и традиции придавал причинам объединения глубоко мифологический характер.

Когда Бисмарк провозгласил прусского короля немецким кайзером нового Второго рейха в 1871 г., многим казалось, что национальное единство наконец победило. Однако новое государство быстро разочаровало значительную часть немцев. Напряжённое ожидание единства питалось утопическими и мессианскими настроениями

ми, которые не могли быть удовлетворены прозой реальности общественного управления и дипломатии. Повсюду чувствовалось, что политическое объединение под началом Пруссии не принесло с собой того патетического национального самосознания, которого с такой силой жаждали. Кроме того, новый Рейх лихорадочно был озабочен созданием промышленности, строительством городов, а этот процесс выглядел весьма материалистическим, и более того — он разрушал патриархальную крестьянскую Германию, излюбленную идиллию романтических грёз о немецкой подлинности. Средневековая фигура кайзера и его современные броненосцы, современный стиль архитектуры символически воплощали напряжение между старым и новым во Втором рейхе. На дворцовое величие и помпезность уличных фасадов надвигались реалии индустриальной революции.

Исключение Австрии из нового, объединённого Пруссией Рейха, огорчило националистов в обеих странах. Но Бисмарк строил усиление Пруссии на военном поражении Австрии, чем вызвал её уход от немецких дел. Позиция немецких националистов в Австро-Венгрии с этого момента становится затруднительной. В 1867 г. венгры получили политический суверенитет внутри двойного государства. Рост пангерманского движения в Австрии в последующие десятилетия отразил проблему австрийских немцев в государстве, состоящем из них и славян. Их программа предлагала отделение немецких провинций Австрии от многоязычной империи Габсбургов и включение их в новый Рейх, невзирая на границы. Этот план и был до конца осуществлён позднее — присоединением Австрии к Третьему рейху в 1938 г.

Народническая идеология включала в себя также и общую реакцию на современность. Германия и Австро-Венгрия сильно отставали в развитии от западных экономик. Сохранение докапиталистических отношений и учрежде-

ний в этих странах свидетельствовало о том, что модернизация явилась бы насилием в отношении к людям, всё ещё связывавшим себя с традиционным, сельским укладом. Многие презирали новое, поскольку растущие города, появляющиеся как грибы, заводы разрушали сложившиеся сообщества и лишали людей чувства безопасности и надёжности. Либерализм и рационализм также отвергались, поскольку они стремились демистифицировать освящённые временем порядки, разоблачить привычные авторитеты и предрассудки. Эта ненависть к современности присутствует в трудах трёх основных немецких националистических пророков: Пауля де Лагарда, Юлиуса Ланге и Артура Мёллера ван ден Брука. Расизм и элитаризм составляли основное содержание народнической идеологии. Факт расовых различий использовался для утверждения необходимости разделять по качествам нации на высшие и низшие. Антропология и лингвистика предлагали практические стандарты для классификации рас, и эти стандарты стали главным элементом в идеологических восхвалениях германской расы. Внутренние моральные качества связывались с внешними характеристиками расовых типов: поскольку арийцы (и германцы тем самым) были голубоглазы, светловолосы, высоки и хорошо сложены, они оказывались также благородными, наделёнными чувством чести, отважными. Дарвинистская идея эволюции через борьбу видов также использовалась для того, чтобы доказать, что высшие чистые расы должны доминировать над смешанными, низшими. Расистское мышление способствовало возникновению антисемитизма. Консервативный гнев на разрушительные следствия экономических изменений обретал выход в поношении евреев, на которых взваливалась вина за упадок традиционных ценностей и порядков. Расизм указал на то, что евреи не являются религиозным сообществом, но биологически отличаются от других рас.

Политические корни ариософов уходят в народническую идеологию конца девятнадцатого столетия и движение пангерманизма в Австрии. Их консервативная реакция на национальные проблемы и на современную действительность имела в виду образ всегерманской империи, в которой негерманские национальности и низшие классы были бы лишены всех прав представительства и возможностей саморазвития. Но если теории арийско-германского превосходства, антилиберализм и озабоченность социальным и экономическим прогрессом были местом народнической идеологии, то оккультизм не был ей свойственен и представлял собой нечто новое. Задача оккультизма состояла в том, чтобы подтвердить живые смыслы устаревшего и хрупкого социального порядка. Идеи и символы античной теократии, тайные общества, мистическое знание розенкрейцеров, каббализм и франкмасонство были втянуты в орбиту народнической идеологии с целью доказать, что современный мир основывается на ложных принципах зла, и описать ценности и законы идеального мира. Эта опора на полурелигиозный материал ясно показывает, насколько ариософы нуждались в патетических убеждениях, насколько вера была нужна им для построения человеческого общества: они были слишком разочарованы в современном мире.

Как романтики и поклонники золотого века, ариософы стояли в стороне от практической политики, но их идеи и символы проникали в отдельные антисемитские и националистические группировки поздней кайзеровской Германии, из которых после Первой мировой войны в Мюнхене возникла нацистская партия. Наша задача состоит в том, чтобы проследить, как распространялась ариософия в личных контактах и литературных влияниях. Мы также изучим возможность влияния Листа и Ланца фон Либенфельса на Адольфа Гитлера в его предвоенные годы в Вене. Ариосо-

софия созревала в маленьких кружках, пропагандировавших расистские тайные культы в период Веймарской республики и живших верой в национальное возрождение. По меньшей мере два ариософа были тесно связаны с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером в 1930-е гг., работая с ним над проектом истории, церемониальными обрядами СС, и даже были причастны к его визионерскому плану Великого германского рейха в третьем тысячелетии. В этой книге мы намерены показать, как фантазии ариософии, покидая пределы культурной ностальгии, высвечивают первоначальный воображаемый мир Третьего рейха.

Часть первая

ПРЕДПОСЫЛКИ

ГЛАВА 1. ОБРАЗ ПАНГЕРМАНИЗМА

Австрийское государство, в котором Лист и Ланц достигли зрелости и впервые сформулировали свои идеи, было результатом трёх крупных политических перемен, произошедших в конце 1860-х гг. Эти изменения состояли в выходе Австрии из Германской конфедерации, административном отделении Венгрии от Австрии и установлении конституционной монархии в «Австрийской», или западной, части империи. Конституционные метаморфозы 1867 г. положили конец абсолютизму и ввели представительное правление, удовлетворив требования классических либералов; император с этого момента разделил свою власть с двухпалатным парламентом, в выборах которого из-за ограниченного права голоса (существовало 4 разряда голосующих) участвовало примерно 6% населения. Демократическому крылу либерализма, требовавшему свободы мысли и ставившему под сомнение действующие институты, противостояла его ранняя олигархическая форма. В результате этой борьбы произошло резкое падение парламентского веса партий традиционного либерализма и подъём партий, представлявших радикальную демократию и национализм, эта тенденция была подтверждена введением в 1896 г. пятого избирательного разряда. Развитие в этом направлении определённоп благоприятствовало появлению пангерманизма как крайней парламентской силы.

Другие политические сдвиги в Австрии касались её территориального и этнического состава. Отделённые одновременно от Германии и Венгрии, земли австрийской части империи образовали территорию в виде полумесяца, простирающуюся от Далматии на Адриатическом побережье через наследственные земли Габсбургов — Корниолы, Каринции, Штирии, Австрии, Богемии, Моравии — до восточных провинций Галиции и Буковины. Географическая нелепость этой территории соединялась с тем фактом, что в её пределах жили десять различных национальностей. Национальность в Австрии определялась преимущественно языком, на котором говорили люди. Большинство немцев — около 10 млн в 1910 г. — жили в западных провинциях государства и составляли около 35% от 28 млн жителей. Кроме немцев в Австрии проживали 6,4 млн чехов (23% всего населения), 5 млн поляков (18%), 3,5 млн украинцев (13%), 1,2 млн славян (5%), 780 тыс. сербохорватов (3%), 770 тыс. итальянцев (3%) и 275 тыс. румын (1%). Структура национальностей в провинциях государства указывает на драматическую сложность этнических взаимоотношений: преобладание различных народов от одной провинции к другой меняется; если в некоторых провинциях немцы составляют отчётливое большинство, то в других они противостоят преобладанию другой нации, а в третьих — просто являются народом среди народов.

После прусско-австрийской войны 1866 г. австрийские немцы вышли из Немецкой конфедерации и были вынуждены существовать как одна из многих национальностей империи Габсбургов. В условиях нарастающей демократизации некоторые австрийские немцы начали опасаться, что первенство немецкого языка и культуры в империи, законы, действующие с конца XVIII в., будут поставлены под сомнение другими национальностями государства. Этот конфликт между немецкой национальностью и авст-